

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ БРЕСТСКОЙ ЕПАРХИИ В
ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Н. П. ГАЛИМОВА

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, г. Брест, Беларусь

Окончание Великой Отечественной войны принесло надежды на новую, более справедливую и лучшую жизнь. Жители Беларуси ожидали отмены жестоких предвоенных и военных законов, крестьяне рассчитывали на послабление налогового прессинга, интеллигенция надеялась на смягчение политического режима. В страну вернулось более 15 миллионов советских граждан-воинов Красной Армии, репатриантов, которые видели условия жизни в других странах.

Деятельность церкви значительно оживилась после окончания Великой Отечественной войны. Люди, перенесшие тяготы оккупации, потерявшие своих близких, потянулись в храмы в поисках утешения. «Большинство населения Брестской области – люди верующие и преданные Русской православной церкви. Великая Отечественная война заметно укрепила и углубила веру православных людей», – докладывал один из священнослужителей о состоянии церковной жизни [1, л. 13].

Благочинный Жабинковского округа в годовом отчете епархиальному управлению писал: «Все священники говорят о большей посещаемости храмов прихожанами, об увеличении числа треб и более благовейном и чинном состоянии в храме... Ставшие в последнее время... Без церковного благословения постепенно выводятся - браки венчаются в церкви. Крестят младенцев все, причем часто приходится крестить и уже больших детей... Погребение без священников редки» [1, л. 14].

Оживление внутрицерковной жизни отмечали благочинный Пружанского района – протоиерей В. Пиленкевич, Антопольского района – священник А. Левицкий (в его благочинии после войны не было случаев отхождения от церкви). Протоиерей А. Мороз (Березовское благочиние) уточнял, что в его благочинии значительно возросло уважение к духовенству [1, л. 18].

Сложной была религиозная ситуация в крупных городах, глубоко «расцерковленной» оказалась новая советская интеллигенция, а также часть рабочих, в основном это были молодые люди. Отрицательным явлением в городах и местечках в рамках религиозной жизни стало устройство базаров в воскресные дни, праздничных концертов во время совершения богослужения.

В послевоенные годы в Западную Беларусь прибыло большое количество специалистов различных отраслей хозяйства из Восточной Беларуси и России. Едва прибыв, они спешили крестить своих детей. По словам священнослужителей, к ним нередко обращались с просьбой совершить крещение дети коммунистов, а комсомольцы часто бывали кумовьями.

Непростой была ситуация с духовной литературой. Верующие пользовались изданиями, вышедшими в Польше в межвоенный период. Это были различные молитвословы, сборники акафистов. Журнал Московской Патриархии распространялся в Брестской области в количестве 150 экземпляров, в Пинской – 90. Его читателями были духовенство и члены их семей. До простых верующих журнал практически не доходил. По данным епархиального управления по Брестской области на 1 января 1947 года православных верующих насчитывалось 226500 человек, что составляло 73% к числу совершеннолетнего населения [2, л. 28].

До 1948–1950 гг. деятельность православного духовенства в Брестской области распространялась среди населения не только через церкви и молитвенные дома, но и по

населённым пунктам, на полях и реках. Несмотря на налоговое бремя, религиозность среди населения росла. Для сравнения: если на 1-ое января 1946 г. крещений было зарегистрировано – 4900, венчаний – 500, похорон – 5100, то на 1 января 1947 г. эти цифры составили: крещений – 6429 (рост на 31,2%) , венчаний – 2105(рост на 120%) [1, л. 18]. В начале 1946 г. работники отдела пропаганды ЦК КПБ(б) ознакомились с деятельностью православной церкви в Брестской области, и 26 января 1946 г. руководитель лекторской группы ЦК КПБ(б) И. Кожар в докладной записке на имя первого секретаря П. Пономаренко отметил активизацию религиозной жизни в Брестской области.

Религиозность населения проявлялась также в невыходах на работу во время больших церковных праздников. В Пасхальные дни все церкви буквально были переполнены людьми. Были попытки среди духовенства пробраться и на общественные трибуны (выступление священника Дюкова в городе Высокое в 1946 г. на митинге в день Октябрьской революции; активное участие священника Ленко в г. п. Ивацевичи на родительских собраниях в школах в 1946–1948 гг.) [3, л. 1]. Хождение с крестами и иконами по полям и крестные ходы на водосвятие к источникам, молебствие и освящение скота, массовые обходы домов – всё это имело большое распространение в области до сплошной коллективизации.

В начале рассматриваемого периода главенствующую роль во всех областях церковной деятельности осуществляло на местах духовенство. В большинстве церковных общин, особенно в сельской местности, церковные советы и ревизионные комиссии служили придатком к священнику, который фактически осуществлял не только духовную сторону деятельности церкви, но и бесконтрольно распоряжался материальными средствами церкви, при этом формально отчитывался только перед епархиальным управлением. По Брестской области на 336 зарегистрированных и действующих церквей и молитвенных домов в 1947 г. имелось 236 церковных двадцаток, церковных советов и ревизионных комиссий [1, л. 34]. Количественный состав церковных исполнительных органов состоял из 3-х членов церковного совета и 3-х членов ревизионной комиссии на каждую приходскую общину. Кроме этого при большинстве сельских приписных церквей имелись свои местные церковные старосты, а также 1-2 чел. так называемых попечителей, которые вели хозяйство приписной церкви.

Начавшаяся было активизация некоторых двадцаток и ревизионных комиссий (Брест, Пинск и др.) по усилению контроля за расходованием общецерковных средств и некоторого ограничения в этом деле духовенства получила сдерживающий отпор со стороны епархиального руководства и противодействия самого духовенства через удаление из состава церковных советов и ревизионных комиссий неугодных им лиц. Наглядным примером может служить конфликт, произошедший в Николаевской церкви г. Бреста, между бывшим настоятелем церкви священником Давидовичем и группой членов двадцатки, выступавшей против священника Давидовича и казначея церкви Бондаря на почве бесконтрольного расходования церковных денежных средств и вмешательства жены священника Давидовича в хозяйственную деятельность церкви. Конфликт начался в 1952 г., а закончился только в мае 1954 г. В ходе этого конфликта церковная двадцатка в составе 29 человек раскололась на две группы: поддерживающих священника и против него. На протяжении этого конфликта многие из двадцатки как неугодные были отстранены. Но все-таки конфликт закончился перемещением священника Давидовича из Бреста [4, л. 29].

Социально-экономические изменения, происшедшие за годы первой послевоенной пятилетки в области, безусловно, дали своё отражение и оказывали объективное влияние на положение и деятельность православной церкви. Сплошная коллективизация села и организационно-хозяйственное укрепление колхозов основательно подрывало социально - экономическую базу церковных организаций на селе, значительно сузило поле деятельности духовенства и создало предпосылку для изменения отношения к церкви и духовенству со стороны основной массы сельского населения в направлении роста равнодушия, пассивности и отхода от церковных дел.

Если в 1945–1947 гг. имели место проявления значительной активности, как со стороны духовенства, так и отдельных групп верующих, направленной к расширению сети церковно-молитвенных зданий, созданию новых и восстановлению старых приходских общин, то позже основное устремление в деятельности Церкви было направлено на сохранение и удержание существующих приходских общин, церквей и расширение материальной базы. Так, например, Высчитский приход Брестского района считался в епархии одним из крупнейших, «богатейших» приходов. Однако церковный совет этого прихода и священник А. Рудкевич в течение двух лет не смогли собрать среди своих прихожан сумму, необходимую для ремонта церкви [5, л. 21].

В начале 1950-х гг. ситуация в религиозной сфере начала меняться в лучшую сторону. Но нельзя отрицать эффективность антирелигиозной пропаганды, под влиянием которой происходило формирование массового атеистического сознания. Если до 1950 г. каждый, даже маленький приход, стремился к тому, чтобы иметь в церкви «своего священника», то после 1950 г. с каждым годом увеличивалось количество приходов, где продолжительное время не было священников, и верующие не проявляли особого усердия, чтобы изменить данную ситуацию.

Если на 1 января 1950 г. без священников было только 2 прихода, то уже на 1-ое ноября 1950 г. их насчитывалось 7. Из отчета уполномоченного видно, что жители некоторых населенных пунктов не спешили подавать ему прошения направить священника в местную церковь (с. Мокрое Пружанского района, с. Гоковичи Антопольского района и др.). Если женщины говорили, что «пусть хоть раз в месяц соседний священник отслужит обедню в нашей церкви», то мужчины колхозники рассуждали: «если я захочу помолиться Богу, то схожу в другую церковь, а попа содержать нам сейчас невыгодно» [5, л. 25].

На процесс коллективизации духовенство также реагировало по-разному. Нередки случаи, когда отдельные священники внешне старались проявить свою лояльность к политике коллективизации сельского хозяйства и даже выражали свое недовольство, что их не принимают в колхозы. Так, например, священник с. Верховичи, Высоковского района Н. Наумов 1904 г.р. в сане священника с 1927 г., в марте 1949 г. высказывал свое желание вступить в колхоз, жену определить счетоводом колхоза, а самому заняться садоводством или столярством, «а если нужно, говорил Наумов, то могу быть и косцом». Данный священник имел в собственности до 1949 г. 5 га хорошей, бывшей церковной земли, которая затем была передана местному колхозу [5, л. 27].

Ряд священников (А. Садовский, д. Покры Брестского района; А. Михнюк д. Радваничи Жабинковского района; И. Навродский г. Ружаны) прямо заявили, что «коллективизация села – это развал для церкви и гибель для духовенства» [5, л. 12]. Характерным примером двуличного отношения к коллективизации можно привести священника Ф. Демидюка с. Черск Домачевского района. Этот священник, как заявляли местные сельсоветские работники, очень активно выступал за коллективизацию. Однако из 120 дворов этого села вступило в колхоз осенью 1949 г. только 25 хозяйств, а когда потребовалось помещение для конюшни, для которой сельсовет наметил бывший церковный сарай, занимаемый священником, то Демидюк более месяца не освобождал этот сарай и тем самым задерживал передачу лошадей в колхоз [5, л. 19].

По сообщению соответствующих органов имели место отдельные случаи и более прямого выступления против коллективизации. Так, священник с. Паниквы Высоковского района Т. Юрчук в начале 1949 г. принимал заказы и служил в церкви молебны «от коллективизации» [5, л. 22]. В Антопольском районе с. Роловичи священник И. Стасюк проводил антиколхозную пропаганду среди своих активных прихожан и противодействовал организации колхоза [5, л. 24].

В начале 50-х гг. вся церковная деятельность духовенства и церковных исполнительных органов в основном была сосредоточена в стенах церкви. В директивных документах советской власти говорилось о том, чтобы не нарушать принципа свободы религиозного культа, «не допускать деятельности церковных организаций, выходящей за

установленные рамки», иными словами стояла задача ограничить богословскую деятельность духовенства и церковнослужителей за стенами церкви, «ввести ограду церковную» [6, л. 7]. Это имело актуальное значение в условиях западных областей Беларуси, где сохранилась устойчивая церковная организация с широкой сетью церковных общин и сильным кадровым составом духовенства. Однако, несмотря на все постановления, священнослужители могли совершать требы и обряды на дому (но только по приглашению верующих) и отпевать умерших на кладбище. Церковные шествия, молебны и другие службы в открытых общественных местах не допускались. Уполномоченному Совету по делам Русской Православной Церкви В. А. Авласенко было дано право снимать с регистрации священнослужителей, нарушивших эти ограничения [6, л. 12]. Однако данное предписание игнорировалось многими священнослужителями. Священник Чернянской церкви Дивинского района Г. Хведосюк венчал и крестил детей без справки ЗАГСА [6, л. 3]. Священник Н. А. Горбачук Омелянецкой церкви Высоковского района, вопреки определению Священного Синода от 25 августа 1948 г. № 18, п. 6 и указания патриарха в декабре 1949 г., ежегодно совершал крестные ходы для «крещеного водоосвящения», освещал «пасхи» в 6 населённых пунктах под открытым небом [3, л. 72].

В связи с развернувшейся массовой коллективизацией единоличных хозяйств значительно снизилась активность духовенства области. Службы в сельских местностях священнослужители проводили только по воскресным дням и большим праздникам, а в городах не более 2-х раз в неделю. Заметно уменьшилось в 1951 г., по сравнению с 1947–1948 гг. количество совершаемых треб. В качестве примера можно привести, Кобринский район, имевший наибольшее количество действующих церквей (19) и полную обеспеченность священно и церковнослужителями в приходах. В рассматриваемый период в нем наблюдались заметные различия в проведении религиозных обрядов по сравнению с 1947 годом. Причиной такого положения являлась во-первых, проводимая государством политика, направленная на ограничение деятельности духовенства за «стенами» церкви: запрещение крестных ходов из одного села в другое, запрещение совершения молебнов на полях, крещение детей на дому и т. д. Во-вторых, в области проводилась массовая коллективизация, которая существенно подрывала экономическую и социальную базу духовенства.

С каждым годом увеличивалось количество православных храмов, где продолжительное время отсутствовали священнослужители. Наибольшее количество пустующих приходов приходилось на 1951–1953 гг. Если на 1 января 1951 г. приходских общин без священников насчитывалось только – 5, то на 1 января 1953 г. таковых насчитывалось уже 10. Некоторые священнослужители в сложившейся ситуации вынуждены были одновременно обслуживать несколько церквей и по 2–3 приходские общины: священник Сычевской церкви Брестского района Н. Залого с 1951 г. обслуживал 3 церкви и 3 приходские общины; Любиченский священник Ф. Кашеня Ивацевичского района обслуживал с 1950 г. 3 церкви и 2 общины; священник Ряснинской церкви Высоковского района В. Теняковский – 2 прихода и 3 церкви и т.д. [3, л. 3]

В начале 50-х годов наблюдалось также снижение активности в церковной деятельности псаломщиков. Если на 1 января 1951 г. было занято в церковной деятельности 94 псаломщика, то уже на 1 января 1953 г. – 75 псаломщиков [3, л. 5].

Имелись случаи скрытого притеснения верующих. Дочь настоятеля Кругловичской церкви Ганцевичского района Н. Дзичковская в 1951–1952 гг. работала счетоводом Кругловичского сельпо. В июне 1952 г. она была уволена за «систематическое уклонение от работы». Между тем, согласно характеристики данной ее непосредственным начальством, Н. Дзичковская являлась дисциплинированным и добросовестным работником [2, с. 57]. В селе Оздамичи Столинского района местные власти намеривались построить рядом с храмом танцплощадку. В селе Чудин Ганцевичского района рядом с кладбищенским храмом власти построили клуб. Ночью пьяная молодежь заходила на кладбище и оскверняла могилы [2, с. 58].

Показательно, что в 1950-е гг. со стороны отдельных представителей власти проявлялось демонстративное неуважение к религии и священнослужителям. Подобные факты упоминаются в отчете уполномоченного по делам Русской православной церкви по Брестской области за 1951 г. В д. Опальское Ивановского района председатель колхоза Головешкин взломал замок приходского дома, который предназначался для переоборудования под школу, и ударил возмущенного грубыми действиями священника. В 1952 г. под предлогом болезни животных ящуром Головешкин потребовал временно прекратить богослужения в приходском храме [2, с. 58]. В 1952 г. в Телеханах, по словам священника Балабушевича, подростки периодически разбивали в храме стекла, ломали церковную ограду. Милиция по данному факту никаких мер не предпринимала. В с. Огаревичи Ганцевичского района в ночь с 16 на 17 мая 1950 г. группа милиционеров совершила погром местной церкви. Милиционеры разбили в храме стекла, разрушили памятник погибшим воинам, сооруженный родителями погибших на церковном погосте, разбили изображение Спасителя, находившееся на кресте в часовне [2, с. 59]. В отчете уполномоченного существует осуждение такого поведения – в задачи советской власти не входило оскорбление чувств верующих и создание конфликтных ситуаций на религиозной почве.

Подводя итог всему выше изложенному можно сказать, что первое послевоенное время было достаточно непростым в деятельности Русской православной церкви. После непродолжительной «оттепели» первых послевоенных лет государство вновь обрушило гонения на Церковь, инициированные представителями власти. Курс на победу коммунизма, провозглашенный советской властью, предполагал ликвидацию религии, а Московская патриархия, как и вся Русская Православная Церковь, рассматривалась в известном смысле как пережиток, который должен быть устранен.

Литература

1. Информационные отчеты и доклады уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Брестской области за 1947 г. // ГАБО. – Ф. 1482. – Оп. 2. – Д. 5.
2. Касцюк В. В тисках атеизма: Православная Церковь на Брестчине в советский период / В. Касцюк // Запіскі. – 2000. – Вып. 2. – 60 с.
3. Информационные отчеты и доклады уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Брестской области за 1953 г. // ГАБО. – Ф. 1482. – Оп. 2. – Д. 14.
4. Информационные отчеты и доклады уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Брестской области за 1954 г. // ГАБО. – Ф. 1482. – Оп. 2. – Д. 16.
5. Информационные отчеты и доклады уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Брестской области за 1950 г. // ГАБО. – Ф. 1482. – Оп. 2. – Д. 9.
6. Информационные отчеты и доклады уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Брестской области за 1951 г. // ГАБО. – Ф. 1482. – Оп. 2. – Д. 11.

Статья посвящена основным аспектам религиозной жизни Брестской епархии в первое послевоенное время. На основе архивных материалов определяются особенности деятельности Брестской епархии среди населения не только через церкви и молитвенные дома, но и в населенных пунктах. Делается вывод о том, что данный период в жизни Брестской епархии является достаточно непростым и отношение руководства страны к церкви было в целом негативным.

The article is dedicated to the main aspects of religious life of Brest Eparchy in the period short after World War II. On the basis of archive data are determined the distinct features of Brest Eparchy's activity towards the people not only through churches and meeting houses but directly in the communities as well. The conclusion is made that this particular period of Brest Eparchy's history was quite difficult and the attitude of the state government towards the church was generally negative.